

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

А. А. Петренко-Лысак

Петренко-Лысак Алла Александровна (Киев, Украина) — кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой социологии факультета социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко;
Email: alla_pl@ukr.net

ЛИЧНОЕ В ОБЩИХ ПРОСТРАНСТВАХ:
МОБИЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ПУБЛИЧНЫХ МЕСТАХ

В статье рассматривается феномен «принудительного подслушивания». Проанализированы коммуникативные процессы, имеющие место в практиках использования мобильного телефона, приводящие к трансформации или стиранию границ частного и публичного. Определяется значение и сущность публичных/общих/общественных мест и особенностей поведения в них современного человека в ситуациях, когда возникает необходимость или желание провести разговор по мобильному телефону. Описываются такие понятия как этика равнодушия и мобильный этикет.

Ключевые слова: мобильный телефон, общее/публичное/общественное место, разговор, принудительное подслушивание, мобильный этикет.

A. Petrenko-Lysak

Alla Petrenko-Lysak (Kyiv, Ukraine) — PhD in Sociological Sciences, Associate Professor at Kyiv National University, Department of Sectoral Sociology;
Email: alla_pl@ukr.net

PRIVACY IN COMMON SPACES:
MOBILE COMMUNICATION IN PUBLIC PLACES

The phenomenon of "forced overhearing" is considered in the article. The author analyzes the communicative processes of mobile phones use, leading to the transformation or blurring of boundaries of private and public dimensions. The value and nature of public/common/social spaces and features of modern people's behaviour are studied in the situations when there is a need or a wish for a mobile phone talk. The author describes the concepts of ethics of indifference and mobile etiquette.

Keywords: mobile phone, common/public/social place, talk, forced overhearing, mobile etiquette.

Трели мелодий звонков мобильных телефонов ежеминутно раздаются повсюду: в магазинах и офисах, на улице и в общественном транспорте, исключением не стали киноконцертные залы, театры, больницы и церкви. Практически нет такого публичного места сегодня, где

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

не слышно было бы чужих телефонных разговоров. Эволюция практик мобильной телефонии породила такое явление как «принудительное подслушивание» — общественную слышимость частных бесед.

Существование людей в общих местах города сформировало феномен «мобильного урбанизма» — обстоятельств близости, которые создаются между незнакомцами в городских общественных пространствах. Минуя непосредственные беседы, жители города получают информацию друг о друге и о разнообразных событиях через односторонние разговоры по мобильному телефону на людях, чем устанавливается форма «невидимого (не)понимания» друг друга. Происходит своего рода манипулирование общественной физической средой с выделением частного места для личных бесед. «Беседы на людях» стали обыденностью, к которой, с одной стороны, все приспособилось, с другой стороны, вызвали к обсуждению тему вопросов этики, результатом которого стало формирование правил мобильного этикета.

Появление телефонной связи изменило отношение человека к двум процессам: коммуникации и восприятию пространства и времени. Исчезла необходимость в непосредственном физическом сопresутствии двух и более человек в одном месте для совершения разговора. Телефонный разговор соединяет собеседников независимо от времени суток для каждого из разговаривающих. С появлением мобильной связи абсолютно допустимым стал вопрос «Ты где?», требующий ответа о месте нахождения собеседника. М. Феррарис задумался о смысле этого вопроса, явно указывающего на пространственные изменения в процессах коммуникации [10]. Нас интересует ситуация, когда ответ на этот вопрос настолько не важен и человек готов вступить в разговор, независимо от того, находится он наедине или окружен людьми. Значит ли это, что то, о чем он собирается говорить, не является личным, или же он не ощущает себя в публичном окружении, и позволяет себе быть наедине с собой, не смотря на пребывание среди посторонних, незнакомых ему людей рядом. Свидетельствует ли подобная практика о размывании границ личного и публичного? Происходит ли эрозия приватного в общем, или наоборот общее исчезает, оформляясь множественной мозаичностью частного, в каждое из которых вовлечены все сопresутствующие в одном месте [5]?

В данной статье мы обратим внимание на то, как коммуникативные процессы в ходе использования мобильной телефонии изменяют границы приватного и публичного, а именно на примере такого социально-пространственного явления как практики «принудительного подслушивания» и ведения частных разговоров в «публичных пространствах» или «общих/общественных местах».

Можно ли сравнить современный разговор по мобильному телефону в общественном месте с разговором по телефону, установленном в коммунальной квартире или общежитии? Частично. В пространстве коммунального жилья, как правило, нет незнакомцев или таких крайне мало. Так или иначе, разговаривающий окружен сожительствующими ему людьми, которых он знает, и соответственно ведет слышимый для других разговор с учетом того, что именно они могут услышать (сознательно позволяя им это). Разговор по мобильному телефону несколько иной. Тут человек зачастую окружен незнакомцами. Принимая звонок в общественном месте, для него срабатывает своего рода механизм ситуации случайных попутчиков, которых он никогда больше не встретит, а значит, отсутствует обеспокоенность тем, что услышанное от него может быть использовано ими во вред ему. Создается ситуация, когда «мобильная громкость» в общественных местах подразумевает, что пользователь телефона и его/ее партнер по разговору не могут быть единственными «вовлеченными» в беседу. Окружающие их люди, желают того или нет, посвящаются в одностороннее содержание телефонного

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

обмена» [9]. Имеет место этика равнодушия (ethics of indifference), дающая человеку право сохранять анонимность и автономность в публичном пространстве, когда люди идентифицируют друг друга, но при этом остаются посторонними, сохраняя близость на отдалении [12]. Этика равнодушия определяет правила соприсутствия людей друг с другом в пространстве публичности или общности нахождения рядом.

Чем же являются общие места или же места именуемые публичными? Один из подходов отождествляет публичное со свободными гражданами и их свободной деятельностью; другой подход обозначает публичное, как то, что выходит за рамки частного. Так, согласно Ю. Хабермасу или Х. Арендт, публичность — это пространство встреч свободных граждан и выработки ими на основе свободной и определенным образом организованной коммуникации точки/точек зрения на некоторые общие вопросы жизни общества, не касающиеся их частных интересов. Тут пространство признается публичным по факту возможности быть использованным как всеобщей площадки/платформы для обмена мнениями по вопросам, волнующим некое сообщество граждан, желающих о себе заявить и других услышать.

С точки зрения Р. Сеннета, ссылающегося на И. Гофмана, — публичность это некая «социабельность» (sociability) — способность к осуществлению социального взаимодействия, социальной жизни. Публичная сфера есть некое пространство, где имеют место «множественные незапланированные взаимодействия», где незнакомые люди могут встречаться и наслаждаться компанией друг друга. Пространство мыслится как место встреч равнозначимых незнакомцев.

Эволюция общественных пространств свидетельствует о том, что общественным пространством, прежде всего, считается место, где сосредоточена общественная жизнь некой социальной группы. Первое общественное пространство, возникшее при первобытнообщинном строе — костер — место сбора племени, где впервые территориально было закреплено объединение людей для совместных действий по реализации естественных потребностей. При рабовладельческом строе земледельцы и ремесленники объединялись в города-полисы с целью совместной защиты своего суверенитета. В полисе стало формироваться общественное пространство в виде центральной площади «агоры» — площади, где граждане собирались для обсуждения общих интересов. Можно сказать, что кристаллизовался уникальный аспект общественного пространства — возможность осознания человеком себя частью сообщества отличающихся друг от друга людей. В общественной жизни превалировало чувство сообщества и коллективной судьбы.

В Средневековье общественные пространства представляли собой места, где горожане собирали дождевую и набирали чистую воду для хозяйственных нужд, они были местом сбора церковных налогов, это были места, где проводились ярмарки и собирався рынок, это были места, где можно было узнать сплетни, обменяться информацией, послушать объявления или рассказать свои истории зевакам, это были площади, куда приезжали балаганы бродячих артистов и циркачей, это были места всех и для всех. В эпоху Возрождения общественные пространства превратились в места, где можно было себя показать и на других посмотреть, сравнить себя с другими, это были площади для карнавалов и шествий, там собирались шумные рынки и сформировались публичные уличные заведения для определенной публики, общественное пространство стало местом, где люди демонстрировали свой статус своим поведением, манерами и одеяниями. Пространство сегрегировалось, и в публичных местах был запрещен доступ для представителей некоторых слоёв населения, это пространство стало пространством социального неравенства.

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

Согласно утверждению Р. Сеннета, общественное пространство достигло своих высот в XVII в., а начиная с XVIII в. постепенно утратило свою ранее приобретенную значимость. Общественные площади, которые были пространствами, где люди переживали свою идентичность, принимая участие в политике, развлечениях и обсуждении социальных проблем, постепенно шли к закату. Сначала общественная жизнь переместилась во внутренний мир театров, кафе, магазинов или двинулась в изоляцию новых парков, потом люди начали обращаться внутрь себя и стали заняты более собой и собственной жизнью, нежели общественной, которая стала гораздо пассивнее, и, наконец, общественная жизнь пришла в упадок, люди потеряли для себя интерес, смысл общественных пространств, определяя их ничьими, чужими, мало востребованными [8].

Переход от доиндустриальной к индустриальной эпохе породил кризис общественного пространства. В средневековых городах городское пространство было средством стимулирования человеческих контактов. Оно собирало незнакомцев вместе и они идентифицировали друг друга, основываясь на взаимном визуальном выражении и восприятии (в одежде, прическах, аксессуарах, жестах, мимике). В индустриальную эпоху территория стала обуславливаться спецификой социума. Социальная принадлежность незнакомцев служила индикатором той зоны, где они могли находиться. Такой тип поведения сделал общественные пространства местами напряжения, где незнакомцам становилось все более сложно взаимодействовать друг с другом.

Таким образом, публичная жизнь определяется некой социальностью и возможностью взаимодействия для незнакомых людей, а также реализуемостью собраний (gathering) людей в каком-то пространстве или месте. Публичное или общественное место — это некое место, где люди собираются и находятся вместе какое-то время. Стоит добавить, что в такие места люди могут попасть двумя путями: (1) целенаправленно, стремясь на организованное собрание, и (2) невольно, оказавшись в окружении множественного количества людей, имеющих полное и равное право находиться в некоем общем пространстве.

Анализируя различные подходы в понимании публичного пространства, Ш. Зукин попыталась сформулировать его основные критерии. По ее мнению, оно характеризуется: общественным управлением, свободным доступом для всех, и тем, что в его рамках множество людей устремлено к общественным (не частным) целям [13].

Можно ли обозначить разницу между определяющими признаками места как публичного или как общего? Публичное, этимологически восходит в публице, некоему сообществу, имеющему внешние или внутренние признаки общности, схожести. Если же говорить об общем, то тут речь идет скорее о некоем праве всех, любого и каждого в равной степени на пространство или место (пребывание в нем, использование его). Публичное — значит на публику, для граждан сообщества или общности (в ценностях, потребностях или целях). Общее — значит без ограничений права на место, равнозначность каждого претендующего. Что в целом не взаимоисключает, а взаимодополняет особенности места для всех. Принципиальность в различении и использовании категорий «публичный» и «общий» по нашему мнению допустима, лежит в понятийном поле и может быть использована исследователем в своих интерпретациях и описаниях. В рамках данной статьи мы объединяем оба термина в одно понятие публичного/общего, как некоего пространства, используемого людьми со свободным и равным правом на него, достаточно открытое для пребывания на его территории и использования ее в определенных целях.

Итак, во-первых, принципиальным является определение публичного именно через

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

противопоставление его приватному на уровне представленности интересов, владения и управления пространством и, во-вторых, указывается на важность наличия в публичном пространстве возможности для коммуникаций между собравшимися и самой коммуникации как таковой.

Когда личные разговоры в общественных местах стали повсеместными, в средствах массовой информации начали активно обсуждать эту тему, как наболевшую, описывая при этом немало трагикомичных случаев. Под воздействием масс-медиа развернулись кампании по ограничению пользования мобильной связью в публичных местах. К примеру, крупнейший североамериканский железнодорожный перевозчик (компания Amtrak) в 2000 году учредила первый «тихий вагон» (Quiet Car), где запрещалось пользоваться мобильными телефонами. Свои действия компания пояснила как желание учитывать интересы тех пассажиров, которые нуждаются в тишине и покое. По-своему оригинальное решение проблемы придумали и владельцы модного кафе Brooklyn в Атланте, установив в зале заведения пустую красную антикварную телефонную будку с лондонских улиц, куда каждый гость мог зайти и переговорить по мобильному, при этом, не мешая присутствующим. В результате эта будка стала главной особенностью заведения и пользуется особой популярностью по вечерам, когда играет оркестр. Т.е. функция ее несколько трансформировалась в пользу комфорта разговаривающего по мобильному телефону, а не ликвидации дискомфорта для окружающих.

Один из североамериканских операторов мобильной связи (Cingular Wireless) совместно с Американской Ассоциацией Музеев провели кампанию под лозунгом «Будьте вежливы!», вывесив на входе в музеи и выставочные залы плакаты, призывающие включить виброзвонок или выключить мобильный телефон. Другой оператор (AT & T Wireless) создал 15-секундный юмористический ролик, показанный в 160 кинотеатрах одного из штатов, при этом перед началом каждого сеанса на экране вспыхивала надпись: «Если во время просмотра у кого-то из зрителей зазвонит мобильный, фильм будет остановлен. Виновника попросим подняться, а всех присутствующих в зале — забросать его попкорном и изюмом в шоколаде». Достаточно строго поступила администрация миланской «Ла Скала», — пришедших зрителей принуждают сдавать мобильные телефоны в гардероб, ни делая исключений даже для VIP-персон.

Среди пользователей мобильной связи России в 2006 г. проводился опрос (исследовательским холдингом ROMIR Monitoring) для изучения правил общения и поведения с использованием мобильного телефона, которые абоненты применяют на работе и в бизнес-среде, в семье, в общественных местах, местах отдыха и развлечений. По результатам данного исследования, большинство респондентов придерживалось мнения, что мобильное общение не должно мешать окружающим, однако только 53% из опрошенных сами выключали свой мобильный телефон при посещении театров, выставок, кино и концертов. 75% респондентов посчитали некорректным использовать различные приложения или игры на мобильном телефоне, находясь в общественном месте, при включенном на большую громкость звуковом сопровождении, однако 19% уверены, что это вполне допустимо, потому что никому не может помешать. Среди «правил мобильного этикета», по мнению пользователей, должны фигурировать необходимость выключения телефона при необходимости (10%) и правило не говорить громко в общественных местах (9%).

В 2004 г. в Украине был проведен опрос касательно использования мобильных телефонов в общественных местах, в том числе учебных заведениях и театрах (исследование «Украинского демократического круга»). На тот период в стране было только 28% пользователей мобильной телефонии, а результат исследования показал, что 38% опрошенных украинцев были

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

против, 33% опрошенных посчитали, что нет необходимости ограничивать использование мобильных телефонов, а 29% затруднились с ответом. Правда, к 2008 г. количество недовольных уменьшилось к 15%. Почему люди недовольны? Что вызывает дискомфорт или раздражение?

Согласно результатам исследования, проведенного Л. Эмберсон из Корнеллского университета, установившей последствия невольного подслушивания посторонних разговоров по мобильному телефону в общественных местах, — это стресс. Люди, вынужденные невольно слушать чужие разговоры по мобильному, испытывают излишнее напряжение для мозга. Эмберсон объясняет это отсутствием «предсказуемости чужой беседы» — когда человек слышит реплики обоих участников разговора, мозг мгновенно определяет, что будет сказано далее и игнорирует ненужную ему информацию, но в случае прослушивания половины диалога предсказуемость отсутствует, и мозг вынужденно интересуется чужим разговором далее. Таким образом, выяснилось, что обрывочные фразы, услышанные краем уха, надоедают гораздо больше, чем, если бы вынужденный слушатель слышал полный диалог [11].

Как бы не утверждались правила мобильного этикета, они лишь условно определяют поведение человека с мобильным телефоном в общем/публичном месте. Правила общего места быть доступным каждому, кто претендует на пребывание в нем или же выполнил озвученные обязательства правил поведения (выключил звук, перешел на переписку вместо устного разговора) освобождают человека от испытания чувств дискомфорта или укоров совести.

Итак, практики «принудительного подслушивания» происходят в местах, которые значатся как общие, т.е. такие, право на которые распространяется на всех претендующих использовать их пространство. Пространство общего места представляет собой некий локус кристаллизации социальных связей. Человек в пространстве места тоже размещается, определяя свой личный локус в общем месте. В результате различения размещений возникает определенная система коммуникации пространственных соотношений [6, с. 174 – 178].

Современные теоретики в рамках «мобильного поворота» (Дж. Урри, Дж. Ло, Г. Рейнгольд, Я. Засурский) и «пространственного поворота» (М. Кастельс, З. Бауман, П. Бурдье) предлагают мыслить пространство не столько в категориях «места», сколько в категориях «поток», движения. Исследователи новейших мобильностей, осуществляемых на основе использования переносных коммуникативных устройств в описывая ситуации, которые презентуют современное общество, нередко используют примеры взаимоотношений сопребывания людей на широких общественных площадках. Это образы обособленных людей, увлеченно или сосредоточенно всматривающихся в свои мобильные телефоны (читая, набирая тексты смс, рассматривая фото- или видео-), разговаривающих по телефону на ходу, слушающих музыку через наушники. Все они находятся на одной площади, в одном салоне общественного транспорта, на одной стороне улицы в ожидании зеленого цвета светофора на пешеходном переходе, но при этом каждый вовлечен в свои индивидуальные практики. Причем все эти люди находятся в потоках движения. Такого рода мобильность означает некое «космополитичное бытие», где удовольствие от перемещений связано не столько с возможностью попасть в какое-то место, сколько с возможностью не находиться в каком-то месте, не быть к нему привязанным, не ассоциироваться с ним, всегда иметь возможность его покинуть, указать на свою связь с другим местом. Ценность этого «другого места» заключается не в его конкретности и важности для человека (воспоминания, дела, отношения и т.п.), но в том, что это место другое — не здесь, вовне. Публичная жизнь представлена растущей индивидуализацией, связанной с мобильностью. Общество атомизируется, социальные связи ослабевают, переставая удерживать людей, придавая образу жизни ощущение «легкости».

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

Главное преимущество (поздней) современности — это быть мобильным, свободным от связей, «легким», подвижным индивидом [1; 2]. Как следствие — исчезает потребность в «общественном интe-ресе», который является основой происходящего в публичной сфере. Это не что иное, как явление «мобильного урбанизма». «Мы все чаще наблюдаем, как реализуются конкретные частные либо групповые интересы индивидов, на какое-то время совпадающие с интересами других индивидов и групп. Но это скорее “общие интересы”, которые по сути — не то же самое, что “общественные” (common concerns vs. public concerns). Закономерным образом “общественные” пространства постепенно заменяются в городах просто “общими» [7]. Соответственно, отношение к общим местам, к публичным пространствам меняется. Не смотря на наличие у них названий и истории, идентичности и смыслов, все равно они тяготеют к некоей транзит(ив)ности. Предложенный М. Оже термин «не-места» (non-places) применим к публичным/общим местам современности как никогда точно. Ими становятся не только вокзалы или аэропорты, но и улицы, площади, пустыри, транзитные/проходные территории, торгово-развлекательные комплексы, салоны транспорта, очереди ожидания. Это пространства поощряющие действия, а не взаимодействия. Это территория изолированных индивидумов, пространство добровольного ограничения общественного опыта в пользу частного, это новые практики относительного одиночества и ложного ощущения общности, которое и вводит в заблуждение относительно восприятия «общественности» места. Значение места переживает своего рода переосмысление.

Люди все реже собираются в тех или иных общественных местах и пространствах: вместо этого они движутся через них или находятся там короткое время. Часто именно статичное и продолжительное присутствие в каком-то месте связано с одиночеством или вынужденным временным характером происходящего: люди находятся там в ожидании встречи с тем(и), с кем/чем они затем движутся дальше. Продолжительное нахождение людей в конкретной точке пространства оказывается не самоцелью, но вынужденной остановкой, средством, позволяющим продолжить путь. Движение становится нормой; статичность, длительное нахождение в пространстве или месте — исключением [7]. Естественно, что потребность в общественных местах как площадках для манифестаций или перформансов никуда не ушла, они и далее будут использоваться в протестных или культурных целях. Но это в кризисные моменты или как некие проектно-художественные акты. Рутинное течение обыденности утверждает публичные/общие места как транзит(ив)ные пространства. Традиционные публичные пространства пустеют или выглядят сборищами атомизированных индивидов, которых не интересует физическое сопresутствие, а собственные цели при обязательном наличии доступа в Интернет и мобильной связи.

Если происходит изменение публички, если переформатируется качественность общности, если меняются формы публичной жизни, то, возможно, нужны и другие публичные/общие пространства? «В ситуации возросшей мобильности, когда нужно двигаться и трудно оставаться в одном месте продолжительное время, когда есть средства, облегчающие движение и общение в процессе движения, связь публичной жизни и физического пространства ослабевает. Однако это не означает автоматически, что исчезает любая публичная жизнь» [7]. Публичная жизнь не исчезла, скорее следует говорить о ее «реконфигурации — при помощи новых возможностей, в том числе технологических. Пропадают знакомые нам из XIX и XX веков паттерны публичной жизни, но возникают другие, чья природа может быть не-сколько иной» [7].

Появление и массовое распространение мобильных средств коммуникации трансфор-

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

мировало пространственную архитектуру восприятия социального и индивидуального миров. Авторы петербургского исследования, опираясь на утверждение Э. Гидденса о том, что «отношения с теми, кто физически отсутствует, предполагают социальные механизмы, отличные от тех, что работают в ситуации соприсутствия» [3, с. 84], утверждают, что представления о приватном и публичном пространствах видоизменяются под воздействием технологий мобильной связи, соответственно «отсутствующие другие», которые могут посредством мобильного телефона в любой момент вторгнуться в пространство и время пользователя мобильной телефонии, создают предпосылки для переопределения приватного, близкого и далекого» [4, с. 102].

Итак, понимание общественного и оценка общего трансформировались все время своего существования. Функционал общественных публичных/общих мест менялся в зависимости от историко-политических, экономических, культурных, технических и технологических перемен. Социальные трансформации «провоцировали» изменение отношения к приватному, личному в противовес общему, общественному. Появление сервиса мобильной телефонии стало причиной очередных перемен. В пространство общих/публичных общественных мест ворвалось частное, приватное пространство. Современный человек избавил себя от дискомфорта быть увиденным, услышанным в момент личных коммуникаций другими, чужими людьми, окружающими его в момент разговора. «Мобильный урбанизм», как ситуации вынужденной близости, в которые попадают люди в городских общественных пространствах, приучил современного человека к этике равнодушия — практикам сохранения анонимности и автономности в публичном пространстве. Разговор на людях частично объясним «эффектом случайного попутчика» — возможности непринужденных коммуникаций на личные темы с чужим, неизвестным человеком, временно пребывающим рядом, в одном общем пространстве, и со временем его обязательно покидающем. Таким пространством может стать салон пассажирского транспорта, места ожиданий или свободного времяпрепровождения (очереди, вокзалы, городские площади, лавочки в парках и т.п.).

Современному человеку стали привычными практики «принудительного подслушивания» или ведения своих частных разговоров в публичных/общих пространствах общественных мест. Смутить или остановить его могут гласные или негласные правила этикета пользования мобильным телефоном в общественных местах или замечание окружающих, — как один вариант, и как другой — нежелание быть услышанным, в принципе, а также необходимость или желание провести разговор в истинно приватной атмосфере. В первом случае граница между общим и частным приобретает черты эрозии, во втором случае, наоборот, усиливается стремлением жестко разграничить личное и общественное.

Библиография

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Логос, 2005. — 390 с.
2. Бауман З. Текучая современность / пер. С.А. Комарова; под ред. Ю.В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
3. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. — М.: Академический проект, 2003. — 528 с.
4. Гладарев Б.С. Мобильная телефония: петербургский случай // Социология. № 1. 2008. — С. 92 – 114.
5. Петренко-Лысак А. А. Мобильная телефония в приватном и публичном пространствах субъекта современного общества // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе.

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

- URL: http://fst.my1.ru/load/materialy_konferencij/mobilnaja_telefoniya_v_privatnom_i_publichnom_prostranstvakh_subekta_sovremennogo_obshhestva/1-1-0-21
6. Петренко-Лисак А. О. Соціальний простір у міждисциплінарному вимірі. — К.: Вадекс, 2013. 400 с. — С. 174 – 178.
 7. Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» // Новое литературное обозрение. № 117 (5/2012). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2638>
 8. Сеннет Р. Падение публичного человека / пер. с англ. О. Исаева, Е. Рудницкая, Вл. Софронов, К. Чухрукидзе. — М.: «Логос», 2002. — 424 с.
 9. Сергеева О.В., Парамонова В.А. Социология новых медиа: опыт зарубежных исследователей // Вісник Одеського національного університету. Серія: Соціологія і політичні науки. Том 18. Випуск 2 (18). Частина 1. Одеса: Астропринт, 2013. — С. 47-60.
 10. Феррарис М. Ты где? Онтология мобильного телефона / пер. с ит. К. Тименчик, М. Устюжановой. — М.: Новое литературное обозрение. 2010. — 352 с.
 11. Hadhazy A. Why Overheard Cell Phone Conversations Annoy. URL: <http://www.livescience.com/10102-overheard-cell-phone-conversations-annoy.html>
 12. Tonkiss F. Ethics of Indifference: Community and Solitude in the City // International Journal of Cultural Studies. 2003. Vol. 6. № 3. — P. 298 – 303.
 13. Zukin S. The cultures of cities. — Oxford: Blackwell, 1995. — P. 32 – 38.

References

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo / per. s angl. pod red. V.L. Inozemtseva. — М.: Logos, 2005. — 390 s.
2. Bauman Z. Tekuchaia sovremennost' / per. S.A. Komarova; pod red. Iu.V. Asochakova. — SPb.: Piter, 2008. — 240 s.
3. Giddens E. Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii. — М.: Akademicheskii proekt, 2003. — 528 s.
4. Gladarev B.S. Mobil'naia telefoniia: peterburgskii sluchai // Sotsiologiya. № 1. 2008. — S. 92 – 114.
5. Petrenko-Lysak A. A. Mobil'naia telefoniia v privatnom i publichnom prostranstvakh sub"ekta sovremennogo obshchestva // Kul'tura i vzryv: sotsial'nye smysly v transformiruiushchemsia obshchestve. URL: http://fst.my1.ru/load/materialy_konferencij/mobilnaja_telefoniya_v_privatnom_i_publichnom_prostranstvakh_subekta_sovremennogo_obshhestva/1-1-0-21
6. Petrenko-Lisak A. O. Sotsial'nii prostir u mizhdistsiplinarnomu vimiri. — К.: Vadeks, 2013. 400 s. — S. 174 – 178.
7. Pachenkov O. Publichnoe prostranstvo goroda pered litsom vyzovov sovremennosti: mobil'nost' i "zloupotreblenie publichnost'iu" // Novoe literaturnoe obozrenie. № 117 (5/2012). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2638>
8. Sennet R. Padenie publichного cheloveka / per. s angl. O. Isaeva, E. Rudnitskaia, Vl. Sofronov, K. Chukhrukidze. — М.: "Logos", 2002. — 424 s.
9. Sergeeva O.V., Paramonova V.A. Sotsiologiya novykh media: opyt zarubezhnykh issledovatelei // Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Serii: Sotsiologiya i politichni nauki. Tom 18. Vipusk 2 (18). Chastina 1. Odesa: Astroprint, 2013. — S. 47-60.
10. Ferraris M. Ty gde? Ontologiya mobil'nogo telefona / per. s it. K. Timenchik, M. Ustiuzhanovoi. — М.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. — 352 s.
11. Hadhazy A. Why Overheard Cell Phone Conversations Annoy. URL: <http://www.livescience.com/10102-overheard-cell-phone-conversations-annoy.html>
12. Tonkiss F. Ethics of Indifference: Community and Solitude in the City // International Journal of Cultural Studies. 2003. Vol. 6. № 3. — P. 298 – 303.
13. Zukin S. The cultures of cities. — Oxford: Blackwell, 1995. — P. 32 – 38.